

“Молодежь идет в Арктику!” ...

Не так давно в одном из парижских кинематографов был показан один из лучших, если не лучший, советский фильм — “Семеро смѣлых”, из жизни полярных зимовщиков. Особенность этого фильма заключалась в том, что все действующие лица были молодежь — старшему из них, начальнику полярной зимовки, можно было дать на вид не больше 25 лѣт; остальные — пятеро юношей и одна девушка — все в возрастѣ от 16-17 до 23-24 лѣт. Большинство — комсомольцы. Фильм, конечно, пропагандный от начала до конца, но ни разу на всем его протяжении в нем не было произнесено слов — большевизм, большевики, коммунизм, коммунисты... В нем звучала пропаганда советская — пропаганда мужества, товарищества, вѣрности слову, твердости и безстрашия. “Какой то примитив всех человеческих добродѣтелей!” — с удивлением и восхищением воскликнул присутствовавший на этом фильме вместе с нами русский писатель, убежденный противник большевиков. Семеро юных зимовщиков безстрашно борются со страшными снѣжными пургами и морозами, успешно одолаживают на собаках, на самолетах и в авиосанях безграничные пустынные пространства, выручают друг друга из смертельной бѣды, врач-комсомолка в пургу летит на самолетах в далекий тордох (палатку) тунгуса, которого и спасает вовремя сдѣланной операцией... Великолепныя картины арктической природы, удачно воспроизведенная обстановка.

а главное чудесная и убедительная игра — все производит сильное впечатление. Маленькое и большое, мелочи жизни и трагическое воспринимаются не только бодро, но и весело — смѣх и пѣсни звучат на каждом шагу этой жизне-радостной молодежи, от всего фильма вѣет не только бодростью и весельем, но и вѣрой в себя, в человѣка и в будущее. Уходишь из кинематографа с какой-то зарядкой бодрости и с мыслью: если бы побольше было такой молодежи сейчас в Россіи!

За послѣднія 12-15 лѣт Арктика пользуется в Россіи исключительной популярностью, и многое уже сдѣлано в дѣлѣ ея изученія и овладѣнія; это, разумѣется, лишь указывает на то, что в прежнее время, т. е. в старой Россіи, сдѣлано было чрезвычайно мало для страны, береговая линия которой омывается полярными морями на протяженіи 30.000 километров.

Увлеченію Арктикой широкими слоями населенія способствовало многое. Исслѣдователей и ученых манила неизвѣстность, нетронутыя естественныя богатства, нераскрытыя еще для человѣчества загадки, увлекали открывавшіяся для всей страны возможности. Разказы о полярных путешествіях и пережитых приключеніях будили в людях предпримчивость, энергію, желаніе пережить и испытать небывалое, непривычное. Арктика с ея снѣгами и ледяными пустынями, с ея необычайным пейзажем, игрою могучих стихій облакалась романтикой. Населеніе всей страны знакомилось с Арктикой по событіям, о которых писали и которыя славили газеты, радіо, кинематограф, книги, театры. Открытіе новых земель и островов в полярном морѣ, установленіе сквозного плаванія — от Архангельска до Владивостока — в одну навигацію (плаваніе на “Сибиряковъ” 1932 г.), т. е. отысканіе того “сѣверо-восточнаго прохода, о котором мечтало нѣсколько поколѣній мореплавателей и географов, постройка новых городов — Игарки в низовьях Енисея (1929 г.) и Комсомольска на Амурѣ в далекой амурской тайгѣ (1932 г.), эпопея “Челю-

скина” и чудесное спасение всего его экипажа на самолетах (1934 г.), вести об открытии естественных богатств — золота на Колымѣ, Чукоткѣ и на Алданѣ, каменной соли в Нордвикѣ (близ устья рѣки Хатанги), освоение богатств Сахалина и Камчатки, рассказы о своеобразной, полной приключений жизни полярных путешественников и зимовщиков, необыкновенные воздушные рейсы героических летчиков — все это будило воображение, зажигало сердца. И особенно, конечно, среди всегда готовой к приключениям и героизму молодежи. О походах “Сѣдова”, “Сибирякова”, “Красина”, “Литке”, “Садко”, “Малыгина”, “Ермака” — знают сейчас чуть ли не всѣ совѣтскіе школьники. Имена полярных изслѣдователей — Шмидта, Визе, Воронина, Самойловича, летчиков — Водошьянова, Молокова, Чкалова, Леваневского, Каманина, Махоткина и других, зимовщиков — Ушакова, Урванцева, Минѣева, комсомольцев Кости Званцева и Васи Ходова, радиста Кренкеля — становятся известны и популярны широким кругам. Когда в прошлом году начальство разрешило рождественскія елки, совѣтскія дѣти замѣнили традиціоннаго Дѣда-мороза на вершинѣ елки... профессором Отто Юльевичем Шмидтом. большая борода котораго воссѣвалась в стихах и пѣснях.

По официальным совѣтским данным, на 1 октября 1936 года в Арктикѣ — на полярных станціях и зимовках — работало 669 человек молодежи в возрастѣ до 25 лѣтъ; она составляет 37% морской команды плавающих в арктических водах судов, а среди зимовщиков — 82%! Когда производится набор добровольцев для отправки в арктическія зимовки или плаваніе, от предлагающих нѣтъ отбоя — и почти во всѣх случаях предложенія исходят от молодежи. “Ищут шестерых зимовщиков для такой то арктической зимовки”... В короткій срок поступает.. 519 предложеній. Часто в трюмах отираваемых на смѣну зимовщикам пароходов находили спрятавшихся там “зайцев”. Такой именно случай, между прочим, изображен и в фильмѣ “Семеро смѣлых”. Раньше дѣти бѣжали “к индѣйцам”, в Америку

— теперь они бѣгут на сѣвер, в Арктику, — там ищут приключеній и подвигов.

Достигнутые на Сѣверѣ за послѣднія 15 лѣтъ во многих различных областях успѣхи огромны.

Тѣ же официальные источники считают, что с 1917 по 1926 г. населеніе крайняго сѣвера утроилось, причем увеличеніе происходило в подавляющем большинствѣ за счет приплатого русскаго населенія. К 1917 г. в Арктикѣ имѣлось около 200.000 приплатых русских, по переписи 1926 г. на территоріи крайняго сѣвера их имѣлось уже 656.000 человекъ, а в 1935 году — 1.176.700, т. е. приплатое русское населеніе увеличилось за послѣднія десять лѣтъ на 80%. Приѣзжают люди, ставящіе задачей освоеніе огромнѣйшей территоріи, изученіе ея природных богатств, строительство промышленныхъ предпріятій, факторій. В основном это прежде всего рабочіе на вповь открываемых промышленныхъ предпріятіях, служащіе различныхъ учреждений (в одном Главсѣвморпути работало в 1936 г. 32.352 человекъ), но имѣются также учителя, врачи, кооператоры, культпросвѣтработники, занятые перестройкой быта мѣстнаго населенія, наконец, изслѣдователи: ученые, научные работники. Совѣтская статистика, разумѣется, молчит о громадных массах ссыльных, которые в этих областях на цѣлом рядѣ предпріятій составляют основную рабочую силу. Именно трудом этой бесплатной рабочей силы созданы наиболѣе удивительныя достиженія — трудом и жизнями. Такія удивительныя сооруженія, как Балтійско-Бѣломорскій канал, как путь на Игарку, самая Игарка и ея лѣсосплав или осуществленіе такого невѣроятнаго предпріятія, как проведеніе через тайгу и болота на протяженіи 600 километров автомобильной дороги от бухты Ногаево на Охотском морѣ до Колымы, по которой движеніе грузовых автомобилей производится сейчас круглый год — оказались возможны лишь при помощи каторжнаго труда, тѣми самыми методами труда, которые нѣсколько тысячелѣтій тому назад были примѣнены фараонами Египта при по-

стройкѣ пирамид... Дороги эти в буквальном смыслѣ слова выложены человѣческими костями.

Характерно уже одно ускореніе темпа прироста русскаго населенія на сѣверѣ. Если вѣрить той же официальной статистикѣ, пришлое населеніе здѣсь увеличивалось с 1917 г. по 1926 в год в среднем на 5-8%, за годы же с 1926 по 1935 рост достигает 15-20% в год. Наибольшій относительный прирост приходится на Мурманскій округ и на Дальневосточный край (Мурманск, Сахалин, Игарка, Комсомольскій район), наименьшій — на Якутскій край и Охотскій. Соответственно с этим удѣльный вѣс коренного населенія на крайнем Сѣверѣ понизился с 56% в 1926 г. до 35% в 1935 — и не за счет уменьшенія этого населенія, — его абсолютный рост несомнѣнен. Увеличеніе пришлага населенія, разумѣется, приходится лишь на отдѣльные пункты — пустыня остается пустыней. Населеніе городов и поселков городского и промышленнаго типа возросло с 64.900 чел. до 386.000 ч., т. е. увеличилось почти в шесть раз. Выросли новые города—Кировск (на Мурманѣ), Нарьян-Мар, Игарка, Комсомольск и новые промышленные поселки—Амдерма, Воркуша, Блюхеровск и пр. Значительно выросли Мурманск, Якутск, Петропавловск (на Камчаткѣ), Александровск (на Сахалинѣ), Николаевск на Амурѣ. Рабочее населеніе, занятое в промышленности и на промыслах возросло с 8.200 ч. до 157.000 ч. или почти в 20 раз.

Необходимо сдѣлать общую оговорку: разобраться в совѣтской статистикѣ — дѣло хитрое и сама она — часто вещь весьма загадочная. Вряд ли по ней можно нарисовать вполне правильную и полную картину, но все же о существующих тенденціях приблизительное представленіе составить, повидимому, можно. Вѣдь никакими другими цифрами мы не располагаем...

Своеобразны, иногда и просто фантастичны жизнь и работа на крайнем Сѣверѣ.

Пять лѣтъ тому назад, т. е. в 1932 г. высадилась в бухтѣ Ногаево (сѣверное побережье Охотскаго моря, близ поляр-

наго круга) первая группа дальстроявцев. Теперь там построен порт, вырос город Магадан с водопроводом, электрическим освещением, канализацией, больничным городком, парком культуры и отдыха, школами, стадионом, клубом, кино и радиостанцией. Имѣются двѣ газеты — одна на русском, другая — на орочьском (туземном) языкѣ. В 1936 году здѣсь жило уже свыше 10.000 человек. Отсюда вглубь тайги проложена среди болот и через Колымскій хребет дорога к Колымѣ протяженіем в 600 километров. Путь, по которому раньше только в короткій період в году можно было провезти на оленьих нартах груз в 10-15 пудов, а лѣтом вьюками — по 3-4 пуда, сейчас является трассой непрерывнаго движенія сотен автомашин, перевозящих за год десятки тысяч тонн грузов. Там, в глубинѣ тайги, на верховьях Колымы расположены золотые прииски. Дорогу к Колымѣ от бухты Ногаево прокладывали трудом ссыльных. Вели ее через скалы, плавунки, по подземным льдам. “Люди обнажали моховой покров вѣчной мерзлоты. Вѣковой лед таял. Осѣдавшій грунт проглатывал лѣтом произведенную сверхчеловѣческим трудом насыпь. Ее снова покрывали бревенчатым настилом. Но лед внизу продолжал таять, грунт осѣдал. Тогда стали поверх бревенчатаго настила укладывать толстый слой мха-ягеля, а поверх него стлали лиштвеницы и засыпали землей, камнем”... В Ногаевѣ имѣется авторемонтный завод, выпускающій из капитальнаго ремонта 50 грузовых машин в мѣсяц, огромный гараж. Вдоль дороги на Колыму, которая требует усиленных работ в течение всего года (дожди, разлитіе рѣк, снѣжные пурги), выросли поселки и чуть ли не города. Так, в цѣлый город превратился перегрузочный пункт Атка за Яблоновым хребтом с населеніем в 3.000 человек — там имѣются ремонтныя мастерскія, большой каменный гараж; раньше здѣсь был старинный “город” Элекчан из 5-6 домиков типа зимовій. На картѣ этот город еще не успѣли обозначить.

Во всем СССР Дальстрой находится в первом ряду по добычѣ золота. Близ устья рѣки Утиной выстроена временная электростанція. В 1935 г. должны были начаться работы по строительству большой гидроэлектростанціи на Среднеканѣ. Золотые прииски в тайгѣ освѣщены электричеством, на приисках имѣются больницы, бани, кино, до 20 національных начальных школ. В хозяйствѣ Дальстрой имѣются рыбные промысла на 1 япп. 1935 г. имѣлись 603 коровы, 397 телят, 328 овец и коз, 403 свиноматки, а в 1936 году — здѣсь уже тысячи голов крупнаго рогатаго скота и нѣсколько тысяч свиней. Разведено даже — в этом царствѣ морозов и пург — большое овощное хозяйство (в теплицах и парниках)—картофель и другіе овощи; в 1935 году по Дальстрою было добыто 1.942 тонны овощей, из них картофеля 1.088 тонн. В Магаданѣ открыт педагогическій техникум для мѣстнаго населенія, в 1936 г. должны были открыть еще два техникума — сельско-хозяйственный и горный. Весь район дѣятельности Дальстроя связан сѣтью телефонов и радиостанцій, налажена метеорологическая служба, имѣется нѣсколько обслуживающих Дальстрой самолетов. За 1933-35 гг. были осуществлены три ленско-колымскія экспедиціи — рѣчным и морским сплавом. В Качугѣ, в верховьях Лены, на специальной верфи собирали пароходы, которые спускались по Ленѣ до бухты Тикси в Ледовитом океанѣ, таща за собой флотилии желѣзных и деревянных барж; из Тикси побережьем моря Лаптевых и Восточно-сибирскаго моря они шли на Колыму. В 1935 г. пароход "Рабочій" перебросил грузы непосредственно из Архангельска на Колыму и возвратился в одну навигацію. Колымзолото и Дальстрой разбудили этот край, в нем теперь кипит лихорадочная жизнь. Она притягивает к себѣ людей даже из центров, откуда молодые инженеры приѣзжают прямо с вузовских скамей. Многие из них остаются работать на Колымѣ и по окончаніи договорнаго срѣка, отказываясь даже от отпусков...

Очковтирательство, обман? Может быть, отчасти даже несомненно... То самое очковтирательство, на которое недавно жаловался сам председатель совнаркома Молотов, указывавший на преувеличенные цифры победных реляций советских строителей социализма. И все же, наверное, есть во всем этом и правда. Она станет нам понятнее, если мы упомянем, что в бухте Ногасво, этом невралгическом узле всего Дальстроя, именно за последние годы создан огромный... концлагерь! Все советские достижения, все без изъятия, покупаются страшной ценой, но это не основание отрицать их наличность.

Вот выстрошенный на 68-ой параллели, т. е. уже за полярным кругом, город Игарка — морской внутренней порт. Первый дом этого города был построен на голом и пустынном берегу Енисея в 1929 году — в 1936 году в нем насчитывалось уже 13.000 жителей. Этот новый город находится за тысячи километров к северу от Сибирской железной дороги — отсюда отправляют Ледовитым океаном на пароходах в Европу сибирский лес, добываемый в массиве лесной тайги по берегам Енисея трудом сосланных в Енисейский край после коллективизации “раскулаченных” крестьян. Сюда, в этот далекий порт, устремилась рабочая молодежь — и не только из центральной Сибири, но и из России, из Украины, с Волги. Приехали сюда не только за “длинными рублями”, но и потому, что хотели побывать в новых местах, повидать север, о котором сейчас так много говорят и пишут в газетах. В конторах игарского лесокombината работают девушки, промывавшие тишь провинциальных доминек на шум морского порта, куда приходят океанские суда из Лондона, Гамбурга, Данцига и Бергена, где можно увидеть моряков — англичан, немцев, голландцев, норвежцев, индусов и даже негров, потанцевать с ними. Манящая даль и щекочущая мысль о неизвестном и неизведанном влекли сюда молодежь. Здесь и кормили лучше, не хуже одевались и легче было доставать дефицитные промышленные товары. Увидеть неизведанное приехали

сюда молодые инженеры, техники, врачи, только что окончившие вузы, зажженные энтузиазмом, любовью к северу и любопытством к нему, законтрактовавшие себя на два года и четыре месяца на работы в порту. Прошлым летом (1936) сюда приехали из Москвы артисты — 14 человек солистов оперы, балета и оркестра Большого театра и 22 человека работников сцены Малаго театра во главе с артисткой Пашенной. Путь от Красноярска через Енисейск и Туруханск, в Игарку и на о. Диксон они совершили по воде и... воздуху (на самолетах). За 50 дней дали 34 концерта, из них 23 за полярным кругом и 11 — в Пред-полярье.

“За 5-10 минут до окончания полета,—описывает свои впечатления от Игарки современный советский путешественник (“Сов. Арктика”, 1936. VI), — прилипаешь к целлюлозному окну кабины и жадно ищешь Игарскую протоку. В солнечный день Игарка изумительно красива, особенно когда смотришь на нее с высоты 500-600 метров. Развернутым веером простирается Игарка на несколько километров. Слева, ближе к Енисею—порт, территориальное управление Главсевморпути, затон, левее—поселок Пробуждение. Выше этого поселка будет строиться новый город, упираясь в тайгу. Направо—законченные и строящиеся ряжи. Выше—красивыми проспектами-улицами спускаются к порту штабеля пиломатериалов—лесобиржа. Между биржей и портовым фронтом в текущем году (1936) еще выстроят постоянные съезды, на которых в длинный, бесконечно длинный летний день будут шмыгать вниз и вверх II электровозов. За лесобиржей начинается собственно город. Правильные улицы, продольные и поперечные, деревянные тротуары, много уличных фонарей—ночью город буквально залит светом. Дома деревянные, одно—и двух-этажные. В последнее время строят исключительно двухэтажные дома, срубные. Каркасного типа, пропускающие холод, горсовет строить запретил. Уже выработался свой стиль игарского двухэтажного дома, с длинной и широкой веран-

дой, со своей особенной, не похожей на "русских пѣтушков", рѣзбой.

В городѣ больше десятка магазинов—промтоварных и продовольственных, нѣсколько хлѣбопекарен, рыбоконтилка (но жители жалуются, что этот город на богатой рыбной рѣкѣ часто остается без рыбы—обычные совѣтскіе "неполадки"!), четыре клуба, имѣется ежедневная газета с 4-х тысячным тиражем. Во время лѣсоэкспорта, когда в порту одновременно грузятся 7-9 иностранных пароходов (на европейских лѣсных биржах игарскій лѣс цѣнится очень высоко), населеніе города временно увеличивается на 20-25%, в клубах царит большое оживленіе. К этому періоду, который продолжается 45-50 дней (август-сентябрь), готовится весь год. И днем и ночью, непрерывно, и в долгую полярную ночь лѣсозаводы пилят, готовы экспортный пиломатериал, идущій главным образом в Англию, но попадающій порою и в Южную Африку. За короткій період лѣтней навигаціи необходимо кромѣ того успѣть завезти продукты и промтовары как для Игарки, так и для тундры, надо вывезти людей и завезти новых, надо многое сдѣлать и сдѣлать быстро—рѣка и море не ждут. "У Игарки, — рассказывают побывавшіе в ней путешественники, — высокий тон жизни. Это чувствуется сразу. Первое ощущеніе — смолистый запах свѣжаго сруба. Это — город труда. Вновь пріѣхавшаго активность игарцев поражает с перваго взгляда. Это основа молодого и свѣжаго города, усиливаемая жестокостью природы, которую надо побороть, взнуздать, чтобы в глухой тайгѣ создать уютное и культурное человѣческое общеніе. Но город еще весь в лѣсах, в будущем. Скоро выростут новые улицы, дома—и не только деревянные, но и кирпичные. Напротив протоки на Самоѣдском островѣ, наряду с совхозом с его теплицами и парниками, вырастет парк культуры и отдыха. Самолеты будут курсировать по новым авіотрассам. И на мленях, собаках, самолетах, грузовиках и тракторах будут пріѣзжать промышленники-колхозники долгане, ненцы

(самоёды), эвенки (тунгусы) в культурный центр — Игарку” . . .

Первое завершение всего сѣвернаго морского пути в одну навигацію состоялось, как извѣстно, в 1932 году на “Сибиряковѣ”. В 1935 г. сквозным рейсом прошли в обоих направлених уже четыре корабля с грузом, а в 1936 г.—14 кораблей, всего же плавало по сѣверным морям в этом году 160 судов; впервые в исторіи в Индигирку и Яну прошли два буксирных рѣчных каравана для постоянной работы. Вслѣд за Обью и Енисеем создан рѣчной флот на Ленѣ, Колымѣ и Пясинѣ. Верфи Главсѣвморпути не успѣвают строить суда для быстрорастущаго рѣчного флота. За навигацію 1936 г. Сѣверным морским путем было перевезено 271.100 тонн хозяйственных и снабженческих грузов. На 1937 год только что намѣчен план, согласно которому по морю должно быть перевезено 275.000 тонн и по рѣкам —201.000 тонн грузов.

Велико значеніе в жизни Арктики радіо. На о. Диксон создан радіоцентр, систематически выпускающій раз в пятидневку радіогазету “Арктическія Извѣстія”, которая слушаются не только в Арктикѣ. Отсюда же можно имѣть двухсторонній разговор с Москвой и Ленинградом. Легко можно себя представить, какое огромное практическое и моральное значеніе имѣют в жизни полярных зимовщиков радіопередачи, благодаря которым они даже в своем одиночествѣ не чувствуют себя оторванными от близких, от жизни страны и всего міра. Огромное оживленіе вносят в жизнь работников Арктики періодическія радіопереклички.

“Неизмѣримо велики сила и значеніе радіо в Арктикѣ”, —утверждает Водопьянов и тут же рисует красочную картину того, как ему пришлось во время полета лѣтом 1936 г. из Москвы на Землю Франца-Иосифа участвовать в одной такой радіоперекличкѣ.

“13 мая ровно в 20 часов я перед микрофоном раціи мыса Желанія (на Землѣ Франца-Иосифа) дѣлал доклад о

своем перелетѣ. Ровно в 20 часов вся зимовка собралась в радиорубкѣ. В репродуктор послышались возгласы:

—Уединеніе слушает! — Русская Гавань готова! — Всѣ зимовщики Матшара у репродуктора! — Слушаем! . . . — Готовы!..

Я начал доклад о своем перелетѣ Москва — Земля Франца-Иосифа. Мнѣ доставляло огромное удовлетвореніе рассказывать о перелетѣ тѣм людям, от внимательной и самоотверженной работы которых во многом зависѣл его успѣх, лично поблагодарить их за все сдѣланное для меня и моего звена. Как и всѣ летчики, я не совсѣм вѣрил в надежность радиосвязи и все беспокоился: слышат ли меня зимовки? Каково же было мое удивленіе, когда послѣ того, как я кончил доклад, со всѣх сторон Арктики, если так можно выразиться, посыпались вопросы. Вариск спрашивал, доволен ли я его сводкам. Уединеніе интересовалось, когда мы будем в Москвѣ. Русская Гавань попросила рассказать, что случилось с Махоткиным и почему он не возвращается в Москву вмѣстѣ со мной. Комсомольцы с Вайгача без обиняков требовали сообщить точно, когда, на каких самолетах я полечу на Сѣверный полюс (вѣдь, дѣйствительно, полетѣл в маѣ 1937 года! В. З.) и кто из летчиков пойдет со мной. Юшар отказался от своего права задавать вопросы и выразил увѣренность, что скоро увидит меня и мой экипаж на своем аэродромѣ. В общем радиоперекличка скоро превратилась в оживленную товарищескую бесѣду. Зимовщики задавали десятки вопросов, и я тут же отвѣчал на них, совершенно позабыв, что мои собесѣдники отдѣлены от меня сотнями километров ледяной пустыни или открытаго полярнаго моря”.

Огромную роль в освоеніи Арктики играет самолет—он служит задачам обслѣдованія так называемых бѣлых пятен (т. е. совершенно неизвѣстных еще человѣчеству районов), наблюденія за состояніем льда (так называемой ледовой развѣдки), без чего успѣшное кораблевожденіе в сѣверных морях невозможно, перевозки пассажиров и даже грузов.

Сейчас имѣются уже авіолінії на Оби, Енисеѣ, Ленѣ, Колымѣ, вдоль всего побережья Чукотскаго полуострова, Таймырскаго полуострова—от р. Енисея до устья рѣки Хатанги. Для ледовой развѣдки самолетов созданы береговья летныя базы на Диксонѣ, Таймырѣ, на рѣкѣ Лънливой. Кроме того происходит постоянное изысканіе новых воздушных трасс. В 1933 г. полярная авіація налетала 512 часов, в 1936—12.900. За 1936 г. авіація перевезла 5.400 пассажиров и 900 тонн хозяйственных грузов. В условіях таежнаго и тундроваго бездорожья самолет оказался самым быстрым и относительно самым дешевым средством перевозки не только людей, но и грузов. На Енисеѣ грузы в теченіе одних-двух суток перебрасываются самолетом из Красноярска в Игарку — доставка пароходом длится семь дней. Путь из Тикси (близ устья Лены) в Иркутск вмѣсто недавних двух мѣсяцев совершается в нѣсколько дней. 750 тонн различнаго груза было перевезено для Норильскаго металлургическаго комбината в Таймырскій округ. “Надо видѣть своими глазами, — пишет проф. О. Ю. Шмидт, — радость чукчи, якута, тунгуса или инца (самоѣда), когда к ним впервые и далекое селеніе залетают наши самолеты. Для мѣстнаго національнаго населенія самолет давно перестал быть “шайтан арбой”—чортовой телѣгой. Теперь каждый житель тайги или побережья Ледовитаго океана понимает и цѣнит самолет. Он знает, что за первыми развѣдывательными полетами послѣдует организація регулярных линій для перевозки людей, почты, газет, для переброски врача за сотни километров в уединенный поселок”.

В системѣ Главсѣмморпути в 1936 г. выходило 23 печатных газеты и свыше 200 стѣпных. Игарскій “Большевик Заполярья” выходит ежедневно с тиражем в 4.000 экземпляров.

В восьми районах Арктики—Анадырском, Чукотском, Чаунском (Дальневосточнаго края), Колымском, Устьянском и Булуномском (Якутіи), Хатангском и Авамском районах (Красноярскаго края)—насчитывается примѣрно 30-35.000

человѣкъ (чукоч, эскимосов, алеутов, тунгусов, ламутов, якутов и др.). Достаточно хотя бы бѣгло взглянуть на карту, чтобы понять, как это мало по отношенію к тѣм необозримым географическим пространствам, которыя эти районы занимают. Это, конечно, самыя пустынные части всего земного шара. И не трудно себѣ представить, какія огромныя усилія надо приложить, чтобы хоть сколько-нибудь оживить этот край. Он прежде всего даже еще не изслѣдован. Тот же проф. Шмидт, который по праву должен почитаться сейчас лучшим знатоком русской Арктики, говорит, что “потребуется еще около трех лѣтъ интенсивной работы, чтобы закончить изслѣдованіе Сѣвернаго морского пути, обставить его знаками, маяками и прочим навигаціонным оборудованіем”. А что такое, в сущности, Сѣверный морской путь? Не больше, как тоненькая ниточка, протянувшаяся через необозримую ледяную пустыню с запада на восток. Но слѣдует признать **ОГРОМНЫМ** достиженіем и это.

Морской, рѣчной и воздушный флоты, промыслы глубин, гидрографическія работы, геоморфологическое изученіе, установка полярных станцій, радиослужба, оленеводческія и овоце-животноводческія хозяйства (совхозы), пушные и рыбныя промысла, консервные заводы, угольные и флюоритовыя рудники, разнообразныя производственныя и научныя экспедиціи, обслуживаніе сотен магазинов-лавочек и факторій, культбазы, созданіе средств связи и сообщенія—пароходы, катера, вездѣходы, аэросани и пр.—работы здѣсь хватит еще на много поколѣній. То, что обслѣдовано и открыто, составляет лишь незначительную часть того, что таится еще в глубинах тайги, тундры и льдов. Достаточно в этом отношеніи привести хотя бы один примѣр. Всего лишь лѣтом 1934 г. в Нордвикѣ (близ устья рѣки Хатанги) было открыто мѣсторожденіе каменной соли—установлено до 50 метров сплошного солянаго пласта на большой территоріи. Наличіе здѣсь соли обѣщает измѣнить всю экономическую географію Сѣвера. До сих пор соль (главным образом для рыбнаго

дѣла) доставляли сюда за 10.000 километров по желѣзной дорогѣ из Украины и Казакстана или морским путем за 17.000 километров, огибая европейско-азиатскій материк; ее приходилось везти (напр., на Колыму) через Владивосток, отсюда по Японскому и Берингову морям вокруг Чукотки... На мѣстѣ погрузки (напр., в Артемовскѣ на Украинѣ) соль стоила 10 рублей тонна, на Колымѣ — свыше 350 рублей, в бухтѣ Тикси (близ Лены) — 400 рублей. Соль с Нордвика будет стоить вдвое дешевле. На лѣто 1936 г. в Нордвикѣ уже были оставлены на зимовку 300 рабочих для строительства соляных рудников, там же производятся работы по нефти и каменному углю. На одних перевозках соли будет занято свыше 50 морских кораблей.

Основной организаціей Сѣвера, Главсѣвморпутем, в которой в настоящее время работает от 30 до 50.000 человек (в том числѣ 1.270 из національнаго населенія Сѣвера, из них 152 женщины), в 1936 г. было добыто угля 363.000 тонн плавиковога шпата — 8.217 тонн, пушкины было заготовлено на 11.937.000 рублей, товаров в Арктику было завезено на 135 миллионoв рублей.

Можно себѣ представить, какое вліяніе должны оказывать всѣ эти новыя предпріятія, эти потоки новых пріѣзжих людей на мѣстное населеніе, на так называемых націоналов, т. е. принадлежащих ко всѣм большим и малым племенам, живущим совершенно обособленно в сѣверных краях Сибири, жизнь и быт которых во многих отношеніях отстали на нѣсколько столѣтій...

В совѣтской прессѣ можно найти множество указаній на то, как мѣняются нравы и обстановка жизни туземнаго населенія под вліяніем всѣх этих новых воздѣйствій. Въмѣсто юрт и землянок появляются дома европейскаго типа, они строятся даже там, гдѣ до сих пор существовали лишь чумы, яранги и тордохи, т. е. среди кочевого населенія, что, разумѣется, вовсе еще не означает, что это населеніе из кочевого превратилось в осѣдлое. Растет потребленіе мыла, натѣльнаго бѣлья, в обиходѣ появляется даже зубной порошок. “Мы

хотим в тундрѣ красиво одѣваться, нам нужен для праздничной одежды крупный персидскій бисер, бусы и цѣпочки для дѣтей, серебряныя кольца нашим дѣвушкам”, — просят с одного стойбища. “Тундра просит завезти сукна чернаго, бѣлаго, краснаго, синяго. Мѣдных чайников. Посуду эмалированную”, — несутся просьбы из другого стойбища. Требууют патефоны, кожаныя пальто, сапоги, костюмы... Зимой в тундрѣ кое гдѣ работают передвижныя школы в чумах, создаются фельдшерскіе и зубоврачебные пункты. Строятся школы, молодежь учится русскому языку. Еще дѣйствительнѣ школ и передвижных библиотек с литературой на мѣстных языках оказываются кинопередвижки, проекціонные фонари. Правда, картин мало, онѣ плохи, потому что сюда присылают испорченныя, плохіе filmy либо такіе, как какая-нибудь “Пышка”, “Мисс Менд” или “Два друга — модель и подруга”, совершенно для здѣшних зрителей непонятныя; однако, чтобы посмотрѣть эти чудеса, чукчи и ламуты прїѣзжают за сотни километров. Болѣе успѣшно проходят “олимпиады самодѣятельности націоналов”, в которых принимает главное участіе молодежь — оленьи бѣга, состязаніе собачьих запряжек, стрѣльба из мелкокалиберных винтовок, борьба, метаніе “тягызаня” у чукоч (аркан для ловли оленей), пѣніе сказок... На островѣ Врангеля и мысѣ Шмидта чукчи и эскимосы обучаются па радистов, трактористов и механиков (правда, всего лишь 10 человек). В Чаунском районѣ за послѣдніе три года подготовлено из чукочей и эскимосов свыше 30 работников (в возрастѣ от 20 до 29 лѣт). Особенно энергично работают среди мѣстнаго населенія комсомольцы, которые стараются подготовить из “націоналов” механиков, радистов, метеорологов, аэрологов, поваров. Ученики в возрастѣ от 14 до 19 лѣт обучаются русскому языку, арифметикѣ, естествознанію, географіи, политграмотѣ (конечно!), по также столярному, слесарному дѣлу, рисованію, пѣнію, музыкѣ.

“Роль преподавателей среди націоналов нелегка, — рассказывает начальник одной зимовки на Чукоткѣ. — Поня-

тия и названия, которые совершенно понятны семилетнему ребенку Большой земли, требуют чрезвычайно обстоятельных разъяснений для 19-летних юношей-чукчей, не знакомых с такими понятиями, как фабрика, паровоз, дерево, трамвай, железная дорога, буржуй, крестьянин, не знающих таблицы умножения. Нет необходимых учебников, наглядных пособий. Однако, эта трудная и кропотливая, но благодарная работа воодушевляется тем интересом и прилежанием, с которыми относятся к своим занятиям ученики... На наших занятиях по географии и естествознанию часто присутствуют представители чукотской молодежи и даже старики, которые с немалым интересом, чем сами ученики, прислушиваются к рассказам преподавателя”.

Возможно и даже весьма вероятно, что и в этих сообщениях много очковтирательства, о чем можно догадаться хотя бы по таким реляциям: “в 1935-36 гг. в Чаунском районе (м. Шмидта) среди чукоч было проведено четыре собрания — обсуждали беседу т. Сталина с Рой-Говардом, доклад т. Жданова об ошибках саратовского крайкома, о седьмом конгрессе Коминтерна”... Что могли понимать при этом чукчи — напр., в чем разница между американской демократией и советской демократией в СССР! — и какая могла быть в этих условиях политическая работа, когда сама же советская пресса жалуется, что, напр., “Чукотский район (м. Уэлен) узнал о решениях июньского пленума ЦК партии и о проекте Конституции только с прилетом Молокова — в середине августа”, когда “Правда” и “Известия”, выписанные в Устьянском районе (лучший в отношении связи с центрами район) по 10 экземпляров, были получены за год лишь четыре раза...

“Среди населения, — рассказывает кандидат партии Кривошапкин, работавший среди националов-охотников Туруханского края, — я разъясняю проект новой сталинской Конституции. На это дело мне приходится в каждом случае затрачивать по 6-7 часов, так как проведение на эту тему беседы требует большого умения разъяснять. Когда начнешь сразу

говорить о Конституции, многие из националов-охотников не понимают, что к чему. Тогда я провожу беседу, пользуясь изобразительными средствами: рисую на песке кружочки и рассказываю, что вот это Советский Союз, вот край, вот область, где живут такие то люди, занимаются скотоводством, оленеводством, сьют зерно и т. д. После этого меня начинают понемногу понимать. Потом рассказываю о значении Конституции, о наших успехах"... Не смотря на всю убедительность г. Кривошапкина, в успехах его просветительной деятельности по разъяснению сталинской конституции — "что к чему"—дозволительно сомневаться...

В порядке самокритики сама же советская пресса указывает на множество "исполтков" в Арктике — отстает работа всюду (см. "Сов. Арктика". 1937. I — "Свѣтъ и тѣни в работѣ Главсѣвморпути"). "Лѣвацкіе перегибы (сплошная коллективизация, гигантомания и пр.) в оленеводствѣ вызвали большое сокращеніе поголовья, которое продолжалось до 1934 г. Только с 1935 г. намѣтился нѣкоторый медленный рост поголовья и подъем оленеводства (прирост стада — 3,3%)", в совхозах гибель оленей достигает 18-25%, "охота на пушного звѣря ведется в цѣлом рядѣ районов кустарно и примитивно", "рыбные промыслы Главсѣвморпути с 48 сократились до 34, производство консервов с 2.783.000 банок в 1933 г. упало до 2.000.000 банок в 1935, выработка консервов на 1936 г. запланирована ниже плана 1934 г.", "советская торговля на Сѣверѣ развита крайне слабо и старые колониальные права еще не полностью вытравлены из практики торгующих организацій, завоз товаров на Сѣвер скверно планируется, на Сѣвер завозится масса брака и недоброкачественных товаров, часто совершенно непригодных в условіях Сѣвера", "подъем Крайняго Сѣвера тормозится отсутствіем развернутой культурной работы, в особенности в отдаленных районах и среди малых народов Сѣвера". "культурныя базы (школы, больницы, дома народов Сѣвера, бани, ветеринарные пункты) не оправдывают своего назначенія и находятся в плачевном состояніи", "все куль-

турные базы испытывают нужду в кадрах, не хватает учителей, врачей, агрономов и других специалистов”, “совершенно неудовлетворительно работают на Сѣверѣ органы Наркомздрава”, “національная культура народов Сѣвера развивается все еще слабо, — пѣт быстрого роста національных кадров — учителей, врачей, агрономов, ветеринаров, животноводов, инженеров и пр.”...

И все же... И все же жизнь на Крайнем Сѣверѣ закипает. Она не может идти ни в какое сравнение с тѣм, что было здѣсь еще двадцать лѣт тому назад. Тогда весь этот огромный край был погружен в сон, теперь он пробуждается, начинает строить новую жизнь, в которой открываются головокругительныя перспективы.

Самой интересной, можно сказать самой увлекательной является работа полярных станцій. Надо только яснѣ представить себѣ обстановку жизни на них. Всѣ эти станціи расположены на крайнем сѣверѣ, преимущественно на островах. Самая сѣверная находится на Землѣ Франца-Иосифа, 80 градусов 20 минут сѣверной широты, это самая сѣверная станція во всем мірѣ. Старѣйшая существует с 1924 г. — на Маточкином Шарѣ (Новая Земля). В 1936 г. всего насчитывалось в совѣтской Арктикѣ 57 станцій, число работников на них 647 человек (в 1937-ом, повидимому, их число сократилось до 55, если судить по тому, что только что открытая на Сѣверном полюсѣ помѣчена № 56-ым) — по вмѣстѣ с материковыми всего полярных станцій в системѣ Главсѣвморпути свыше 200. Количество зимовщиков на каждой из станцій варьируется от трех до 48 (на м. Шмидта). О характерѣ работ на этих станціях можно судить по тѣм специальностям, которыми заняты находящіеся на них зимовщики. В числѣ их имѣются: геофизики, биологи, гидрографы, метеорологи, радисты, радіотехники, гидрологи, аэрологи, синоптики, механики, мотористы, магнитологи, геологи, зоологи, орнитологи, ихтиологи, врачи, не говоря уже о промышленниках, поварах и каюрах (для ѣзды на собаках). Уже по одному этому списку можно составить себѣ пред-

ставление о том величайшем разнообразии научных задач, которые стоят перед арктическими зимовщиками. Но кроме этих чисто научных задач на зимовщиках лежат еще и чисто практические обязанности: географическое изучение окружающей территории (часто совершенно неизвестной), метеорологические наблюдения и передача в определенные же часы сводок по радио на "Большую Землю" (так на языке арктических зимовщиков называется материк) — работа совершенно необходимая для прогноза погоды на самом материке, для арктической авиации и мореплавания, наблюдение за состоянием льда, наконец, охота, так как зимовщикам все же трудно прожить без свиного мяса на одних привезенных с собой припасах и надо промыслить медведей, моржей, нерп. Зимовка — это прежде всего чрезвычайно суровый экзамен для каждого. Нормальный срок продолжительности зимовки установлен в последнее время в два года, но обстоятельства складываются порой так, что зимовка длится значительно дольше, как это, напр., было с Миньевым (бывший сибирский партизан) и его женой Власовой, которые пробыли на о. Врангеля вместо трех лет — пять (с 1929 по 1934 г.), так как в 1932 г. шедший к ним с новой смесью зимовщиков из Владивостока пароход не мог прорваться сквозь льды, а в феврале 1934 г. утонул раздавленный льдами "Челюскин", на котором шла смесь — вернуться им удалось уже только в августе 1934 г. на ледокол "Красин", наконец их выручившем... Положиться зимовщик может только на себя и на своих товарищей, с которыми вынужден жить в тесной близости. Это жизнь настоящих Робинзонов среди постоянных почти снежных пург, жесточайших морозов, во власти стихий, среди множества опасностей, подкарауливающих на каждом шагу. Самая тяжелая сторона этой жизни, конечно, одиночество и оторванность, на которые неизбежно обречены зимовщики — все сношения с внешним миром ограничены радио, которое поэтому в жизни полярных зимовщиков играет исключительно важную роль.

И все же — самым удивительным является притягательность жизни в этих зимовках для тѣх, кто ее уже испытал. Многие привязываются к работѣ в Арктикѣ на всю жизнь, а среди зимовщиков наблюдается стремленіе по окончаніи одного срока зимовки добиться командировки в другую зимовку. В 1934-35 г. число ВТОРИЧНО зимующих составляло 8%, в 1935-36 г. их число равнялось уже 19% общаго количества зимовщиков.

Для людей, ищущих новых впечатлѣній, жаждущих приключеній и желающих на практикѣ примѣнить накопившуюся энергію, жизнь зимовщика представляет много соблазнов. И дѣйствительно, описаніе этой жизни очень увлекательно. Такія книги, как книги М. Иванычука: 14 мѣсяцев на Землѣ Франца-Иосифа — впечатлѣнія зимовщика, Харьков 1934, Н. Н. Урванцева: Два года на Сѣверной Землѣ, Ленинград 1935 и А. Минѣева: Пять лѣт на островѣ Врангеля, Ленинград 1936 — читаются с увлеченіем, как авантюрные романы, хотя не блещут особенными литературными достоинствами и представляют из себя, в сущности говоря, лишь записи наблюденій и дневники.

Зимовщик должен быть человѣком мужественным, сильным, жизнерадостным, упорным и хорошим, вѣрным товарищем. Вот почему зимовки так и влекут к себѣ молодежь, которая составляет огромное большинство зимовщиков (82%!). Есть станціи, всѣ зимовщики которых состоятъ лишь из комсомольцев — к 1 января 1935 г. имѣлось цѣлыхъ пять комсомольскихъ станцій (в том числѣ Маточкин Шар, м. Стерлегова, о. Вайгач). Г. А. Ушакову, одному из виднѣйших в настоящее время изслѣдователей Сѣвера (редактор «Советской Арктики») было всего лишь 25 лѣт, когда он отправился в свою первую зимовку на о. Врангеля, на котором он пробылъ три года (1926-30). Когда в том же 1930 году, сейчас же по возвращеніи с о. Врангеля он отправился в новую зимовку на Сѣверную Землю (открытая Вилькицким в 1913 году земля, названная им «Землей Николая II»), в числѣ трех его спутников был молодой комсомолец-радиот

Вася Ходов — “крѣпкій молодой парень, весьма молчаливый, сосредоточенный, серьезный, несмотря на свои двадцать лѣтъ”; другими были — молодой геолог Н. Урванцев и опытный сѣверный промышленник С. Журавлев. О характеръ и условіях их работы можно судить по записи из дневника Г. Ушакова: “20 октября послѣдній раз появилось за горами солнце. На небѣ вспыхнул высокій красный столб. Потом он быстро исчез, а за ним угасла и заря. Наступила 120-ти суточная полярная ночь. Небосклон покрылся черным мазутом. Нагроможденные льдины казались темносиними чудовищами. Небо заиграло зарницами сѣвернаго сіянія... Медленно проходили недѣли, мѣсяцы. Ночь кончилась. Экспедиционная работа была в полном разгарѣ. Мы нѣсколько раз дѣлали далекія вылазки, производили изслѣдованіе земли и с значительными результатами возвращались домой. Однажды мы отправились на юг к заливу Шокальского. Велика была наша радость, когда увидѣли вмѣсто залива широкій пролив. Открыть пролив Сѣверной Земли — значит совершенно изменить условія при разрѣшеніи проблемы Сѣверо-восточнаго прохода. Возвращаемся обратно по льдам, сплошь залитым водою. Только человек, ходившій на собаках, может имѣть истинное представленіе об этом походѣ. Когда стаял со льда зимній снѣг, то обнаружилась колючая поверхность ледяного поля. Вытаявшіе ледяные кристаллы походили на гигантскую терку. Собаки ободрали себѣ ноги до сухожилий, у многих даже обнажились кости. Мы шли по поясу в ледяной водѣ... Послѣдній поход наш длился 50 суток, продовольствіе кончалось. Сотни километров; в одеждѣ, превращенной в сырую массу, мы двигались к Ходову, охранявшему наш поселок и ведущему научную работу. Собак приходилось кормить собаками. Сами голодные, истощенные, едва передвигали ноги. Наконец, дома, в сухом, теплом, родном гнѣздѣ. Ходов к нашему приходу вырядился, он надѣл чистую косоворотку и выглаженные под матрацем сѣрья в клѣтку брюки”... И вот как

тот же Ушаков в кратком рапорте характеризовал итоги двухлѣтних работ зимовки: “За 750 дней вмѣстѣ с геологом Урванцевым, звѣробоем Журавлевым, комсомольцем Ходовым на собаках мы обошли всю Сѣверную Землю, нанесли на карту новую территорію в 47.500 кв. километров (т. е. значительно превосходящую территорію Бельгиз, В. З.), прошли по ледяной тундре около 5.000 миль, открыли ряд цѣнных полезных ископаемых”.

Интересен комсомолец Костя Званцев. Когда ему было 10 лѣт, он увидѣл в кино героя Джэка Лондона — с тѣх пор Сѣвер стал его мечтой. 18-ти лѣт отправился в 1925 г. (послѣ двух лѣт плаванія юнгой) на свою первую зимовку в Маре-Сале. В своей книгѣ “Зимовка” он писал об этом: “Зимовало нас трое в Карском морѣ. Радио у нас не было, жили в полуразрушенном домикѣ. Мнѣ было всего восемнадцать лѣт. У нас не было хорошей теплой одежды. Наши запасы наполовину подмокли, часть унесена штормами, топливо тоже смыло волнами. Несмотря на бѣдствія, мы жили дружно, нас это не сломило. Мы смѣло смотрѣли в глаза будущему. Жизнь на нашем мысу была построена на товариществѣ, взаимном уваженіи, на человѣческой чуткости и выполнении долга”. На этой зимовкѣ Званцев был самым молодым, оба его товарища хворали цынгой... В 1929 г. он снова ѣдет на зимовку с А. Минѣевым на о. Врангеля, гдѣ и остается до 1932 года. “Перед столом стоит небольшой крѣпкій паренек, лѣт 22-23, в морской формѣ, рука у козырька фуражки, — так описывает свое первое знакомство со Званцевым Минѣев. — Фигура подтянута, чувствуется спортсмен, все на нем прилажено, подогнано. Грубоватое лицо пышет румянцем и здоровьем, глаза смотрят открыто и весело, но в складках рта чувствуется характер: парень в обиду себя не даст”. На вопрос Минѣева, что необходимо еще приобрести для зимовки, Званцев отвѣтил: “мнѣ бы хотѣлось, чтобы на зимовкѣ был разный спортивный инвентарь — перчатки для бокса, питанга, мячи для футбола, лыжи”. “Жизнь моя, — описывает эту свою вторую зимовку Зван-

цев, — шла обычным полярным темпом. Я вставал в шесть часов, занимался гимнастикой, дѣлал холодное снѣжное обтираніе, массаж и одѣвался. Потом производил научныя наблюденія, отчет барометров, термометров, общія атмосферныя наблюденія, измѣрял толщину и состояніе льда и, записав в журнал, начинал составлять радиосводку для Бюро погоды и Управленія кораблевожденія. Затѣм топил печь, готовил завтрак. Послѣ сытнаго завтрака запрягал собак, брал винчестер, бинокль и уѣзжал в горы или на море, скованное льдом, осматривать капканы на песцов или пекать отдушину нерпы. Днем готовил себѣ обѣд и читал или играл в шахматы"... В эту зимовку помимо других трудов на него выпала и специальная тяжесть — он цѣлых два года выжил с психически заболѣвшим уже на островѣ зимовщиком (поваром Петриком), который грозил поджечь станцію и бросался на людей. Званцеву пришлось неотлучно дежурить при больном в одной с ним комнатѣ, пока сумасшедшаго не увезли на вызванном специально для этого самолѣтѣ. В 1934-35 гг. Званцев уже был начальником комсомольской зимовки (пятеро зимовщиков) на мысѣ Стердегова (Таймырскій полуостров). "Я полон гордости от сознанія, что со своим коллективом я первый буду обживать, заселять, строиться на этой почти неизслѣдованной землѣ, осваивать, изучать ее, — записывал он в своем дневникѣ 20 сент. 1934 г. — С другой стороны, когда я смотрю на групу смѣлой молодежи с юношескими лицами (нас всего пять, из них — одна женщина — жена Званцева), я задумываюсь над тѣм, смогу ли я замѣнить им хотя бы отчасти то, что они оставили там, на Большой землѣ. Смогу ли я ими руководить так, чтобы послѣ не было стыдно?... Мы сдѣлаем все, что только в человѣческих силах, всю нашу жизнь мы посвящаем дѣлу изслѣдованія Арктики".

Один из первых сейчас в СССР радистов-полярников Эрнест Кренкель тоже 18-ти лѣт отроду, как и Костя Званцев, отправился на свою первую зимовку на Новую Землю (в 1920 г.). Он, между прочим, запомнит тѣм, что в 1930

году (12 января) со станціи на Земль Франца-Иосифа связался по радио с американской экспедиціей адмирала Берда на южнополярном материкѣ. Разговор шел таким образом почти между двумя полюсами. “Оба радиста, — рассказывает Кренкель — американец и я, были очень обрадованы такой связью: самая сѣверная и самая южная станція. Разговаривали мы около полутора часа, обмѣнивались свѣдѣніями о нашей работѣ и нашей жизни. Наполовину на англійском, наполовину на нѣмецком языках. Я так же слабо знал англійскій, как он нѣмецкій. Но в общем мы вели интересный разговор”. Кренкель потом сдѣлал большую карьеру. В 1931 г. он лтал с доктором Эккепером на Цепелинѣ (Боденское озеро — Ленинград — Земля Франца Иосифа — Сѣверная Земля — Мыс Челюскина — Новая Земля — Архангельск — Берлин), в 1932 г. с проф. Шмидтом плавал на “Сибиряковѣ”, участвовал в знаменитом походѣ “Челюскина” в 1933-34 г., жил с челюскинцами на льдинѣ, позднѣе был начальником полярной станціи и радистом на м. Оловянном (Сѣверная Земля). В настоящее время, когда пишутся эти строки, он вмѣстѣ с проф. Шмидтом прилетѣл на сѣверный полюс, гдѣ они вмѣстѣ еще с нѣсколькими смѣльчаками и рѣшили зимовать на плывучей льдинѣ в 20 километрах от сѣвернаго полюса.

Устремляются в Арктику не одни только комсомольцы — также дѣвушки и молодья женщины. В 1934-35 г. зимовали на полярных станціях 16 женщин, в 1935-36 г. — 32, в 1936-37 г. — 71, т. е. 10,7% общаго количества зимовщиков. В 1937 г. онѣ работают в качествѣ метеорологов, радистов, радиотехников, гидрологов и врачей на 26 полярных станціях (из 55).

В этих арктических просторах создается, в самом дѣлѣ, какое то новое племя — людей с неукротимой энергіей, безстрашных, с желѣзной преданностью дѣлу, которое они превратили в дѣло их жизни. И совсѣм не случайно, что среди работников Арктики так много молодежи — именно среди самоотверженной молодежи могут в такой обстанов-

къ создаваться сильные характеры. Кромѣ пяти комсомольских зимовок в 1935 г. в арктических водах плавали три комсомольских корабля, работали двѣ комсомольских геолого-развѣдочных партій. На I октября 1936 г. во всей системѣ Главсѣвморпути имѣлось 2.225 комсомольцев, причем обращает на себя вниманіе, что среди работников Арктики особенно быстро росло число комсомольцев — их организація пополнялась, увеличивая свои ряды за счет пріема лучшей молодежи из мѣстнаго населенія (націоналов) и пріѣзжих работников. Теперь в Арктикѣ, кажется, нѣтъ таких предприятий, гдѣ бы не было комсомольцев. Они работают на полярных станціях, в зимовках, геолого-развѣдочных партіях, факторіях, культбазах, на самолетах, на судах... Послѣ похода “Челюскина” комсомол принялъ рѣшеніе послать на постоянную работу в Арктику 100 комсомольцев. Это рѣшеніе и организація комсомола на ледаколѣ “Красин” вызвали у молодежи всего СССР огромный интерес к работѣ в Арктикѣ. Просьбы о посылкѣ на самые различные участки работы в Арктикѣ стали поступать от комсомольцев тысячами...

“Молодежь идет в Арктику!... Вѣдь это великое дѣло большое начало — создается новое племя”... Эта фраза из письма комсомольца Кости Званцева является указаніем на существующій уже факт и в то же время лозунгом-призывом. И то, что сейчас в Арктикѣ происходит, характерно, повидимому, не для нея одной. Надо думать, что молодежь, показанная в совѣтском фильмѣ “Семеро смѣлых”, работает не только там.

В. ЗЕНЗИНОВ.